

# МИЛАЯ АГНЕС



ЛЮДМИЛА ПРОХОРОВА  
Родилась в 1990 году в Москве. Окончила Государственную академию славянской культуры (ныне РГУ имени Носыгина) по специальности «искусствоведение». Редактор портала

«Год Литературы.РФ» (специальный проект «Российской газеты»). Участник Форума молодых писателей России и стран зарубежья (2016, 2018). Финалист литературной премии «Лицей» имени А.С. Пушкина (2017).

– Я не опоздал?

– Нет, господин Ледницкий, вы как раз вовремя.

В маленьком кабинете стоял полумрак. Широкоплечий, смуглый, с посеребренными сединами волосами мужчина сидел напротив треугольного окна в пол, за которым густо падали крупные снежные конфетты. Апрель. Зима в этом году задержалась надолго. «Лет десять такого не было», – подумал Ледницкий и прошел к столу. Чем в этом пустом кабинете занимался директор, он никогда не мог понять. На буковой столешнице с вкраплениями из эпоксидной смолы не было ничего: ни компьютера, ни планшета с телефоном, ни даже еженедельника или канонической фоторамки с портретом любимых внуков. Пустота – лишь натуральное дерево и искусственная смола, принявшая форму марсианских барханов. И совершенная пустота по сторонам – никаких книжных шкафов или ящиков с документами, никаких грамот, картин или плакатов, развешенных по стенам. Лишь стол и неустанный снег за сияющим треугольником окна.

– Может быть, кислородный шот? Или просто чай?

Директор кивнул в сторону свободного стула. Ледницкий оправил полы своего белого халата и сел напротив.

– Нет, благодарю вас, – прокашлялся. Ну что ж. Все учтивости соблюдены, надо переходить к сути.

Ледницкий до последнего не понимал, правильно ли он поступает и что, собственно, собирается сказать директору. Если он скажет все, как есть, то станет стукачом, промолчит – подельником, и когда их проект окончательно пойдёт ко дну, а Ледницкий в этом не сомневался, его можно будет обвинить в соучастии, в присвоении бюджетных средств... Он же сядет, как пить дать, сядет. Мысль об этом была невыносимой. Это Прождеву нечего терять: он болен, и исход его болезни, увы, ясен, у него нет семьи, он прожил жизнь, которую хотел. Нечего терять, не о чем жалеть. А Ледницкому – то как раз есть: его жизнь только начинается и он не готов расплачиваться ею за чье-то безрассудство.

– Глеб Исаевич, я хотел поговорить о проекте «Агнес», над которым работает команда профессора Прождева... и я в том числе, конечно. Мы не отстаем от графика, все будто бы идет по заданному плану, но мне кажется, что сам график, как бы лучше выразиться, не совсем корректный. Мы могли бы перейти к финальной стадии уже сейчас, нет никаких объективных причин, которые этому препятствуют, но... Мы уже давно не проводим никаких настоящих экспериментов, не производим необходимых и новых измерений, лишь раз за разом проверяем данные, заполняем таблицы и формы, описываем то, что уже описали. Все дело в не-

желании профессора Прождева продолжать. У него конфликт интересов. И это подрывает весь проект. Вместо того чтобы сообщить о своих сомнениях и уйти, профессор Прождев занимается саботажем. Мне кажется, он портит код. Ошибки там, где их не должно быть. А еще... Не хочу быть голословным, но у меня есть подозрения, что профессор Прождев использует имеющиеся у нас технологии в своих личных целях. Я могу ошибаться в этом, но в том, что слышал собственными ушами, – нет. Профессор Прождев неофициально говорил с Милютиными о том, чтобы они отозвали свое согласие. Я не понимаю. Это непрофессионально! Мне очень неприятно это говорить, профессор Прождев много сделал для «Агнес», но мне кажется, его необходимо отстранить от проекта...

- Это серьезные обвинения, господин Ледницкий. Директор, не моргая, смотрел будто сквозь него.
- Я понимаю, Глеб Исаевич. Осознаю всю степень ответственности, но это важный проект, он важен не только для нашей компании, но и вообще для науки, для человечества. – Ледницкий с жаром произнес это, будто окончательно уверившись в правоте своих слов и пропитавшись всем пафосом ситуации, важностью возложенной на них, на него лично миссии. – Наше изобретение поможет сотням тысяч людей. Не только детям, но и их родителям. И я уже не говорю о том, что если не мы первые сделаем открытие, то это сделают конкуренты. Не мы одни стоим на пороге...

Директор молчал. Затем он как-то медленно выдохнул через ноздри и, опершись сухими, слишком длинными пальцами о столешницу, приподнялся. Продолжая тяжело молчать, он подошел к окну.

Пыл Ледницкого немного подостыл. В момент, когда он произносил свою тираду, он не казался себе лицемерным. Он верил в то, что говорил. Или ему казалось, что верил? Или ему казалось, что Прождев делает что-то не то? Может быть, он просто хочет его подсидеть, и в этом надо честно себе признаться? С кем, если не с самим собой, надо быть абсолютно честным?

Молчание директора становилось невыносимым. Он стоял возле окна неподвижно, как статуя. Ледницкому вдруг показалось, что тот и не дышит вовсе. Истукан. Безжизненная фигурка, заключенная не в хрустальный шар, но в куб, где снег кружит не внутри, а снаружи. Станный, искаженный мир... Ледницкий открыл было рот, но директор вышел из оцепенения и заговорил.

- Что ж. Если вы набрались смелости сказать все мне, господин Ледницкий, то наберитесь еще терпения и внимательности и подготовьте к утру материалы, которые бы подтверждали ваши слова. Я хочу ознакомиться с ними прежде, чем будет запущена процедура проверки. На этом, надеюсь, все. Вы свободны.

*17.02.2057.21:16:32. Запись №14. Иван Прождев. Носитель: Актар-2*

Милютины отказались. Муж так разъярился, что стал угрожать. Обещал пойти к руководству, подать жалобу. Какая глупость. Будто я предложил что-то противоестественное или незаконное. Его, конечно, можно понять. Жена так рыдала, ждала от него поддержки. Это извечное: «Сделай же что-нибудь!» Не все стоически выносят женские слезы и истерики... Непонятная, конечно, реакция, несоразмерная поводу. Достаточно было просто отказаться. Это ведь так или иначе их дочь, и я просто предложил забрать ее домой. Сказала, что я не знаю, о чем говорю, что я сам не прошел через все это и просто не понимаю. Они ведь пытались. Она ведь ходила в церковь, верила в Бога, думала, что всем дается ровно столько, сколько они способны вынести. Но она, они оба, не смогли. Непосильная ноша. Ежедневный непрекращающийся кошмар. Так зачем это все было? Требовала от меня ответа, будто я могу это знать. Или надеялась, что я поменяю мнение и начну убеждать их с мужем, что, дескать, все было именно для того, чтобы они подписали согласие на эксперимент. Что в этом и есть божественное провидение, умысел, что все правильно, так и надо, пути Господни неисповедимы... Но, черт возьми, это же чушь! Какой Бог, какое провидение, дамочка, очнитесь! Я ученый, а не шарлатан-проповедник. Не ко мне нужно обращаться за утешением и индульгенцией. Да и если во всем искать знаки, то чем вам не знак, что этим проектом занимаюсь я, и я пытаюсь донести до вас мысль, что ваша дочь не безнадежна. Ау! Вы слышите меня?! Сказала, что когда пренатальные исследования подтвердили, что у плода трисомия по хромосоме 21, ей предложили удалить его, но она отказалась. Не могла убить своего ребенка. Уже считала ребенком. Решили с мужем, что примут его любым, вместе пройдут через все трудности, они справятся, все у них получится. Читали форумы родителей особенных детей, читали книги, ходили к психологу, смотрели ролики. С утра до ночи успокаивала себя всем этим. Все казалось

не таким страшным. Если повезет, то их ребенок, их дочь, сможет жить настолько полной жизнью, насколько это вообще возможно. Может быть, она станет актрисой? Или откроет благотворительный фонд? Такие примеры ведь есть, их много... Но Милютиним не повезло. «А вы знаете, что Агнес значит “агнец”? Это значит, что она должна была быть чистым, невинным ребенком, нашей светлой дочкой». Так и сказала. Сказала, что они хотели ее, несмотря ни на что. И даже сейчас они хотят для нее лучшего будущего. Так какое право я имею им говорить, что они обрекают ее на смерть?! Как я смею называть спасение убийством! Как я только могу заставлять их снова проходить через все это? Она почти задохнулась. Я предложил ей стакан воды. И хотя ее лицо было искажено ужасом, гневом, презрением ко мне и жалостью к себе, хотя оно выглядело старше тех цифр, что значились в ее паспорте, похужшим от выпавшего на ее долю несчастья, я не мог не отметить, что когда-то она была красива той андрогинной красотой, которая сблизает людей с ангелами. Но жизнь ее не пощадила. Удивительно, как много мы, люди, можем принести друг другу боли, даже не желая этого.

*17.02.2057.22:49:04.Запись№15.ИванПрождев.Носитель:Актар-2*

Если честно, то мне страшно. Никто об этом никогда не узнает, поэтому я могу признаться. Мне чертовски, до тошноты страшно. Хотя тошнит меня изрядно и не от страха. Сидел сегодня утром на полу в ванной, перед глазами – темнота вместо стены с серой, покрытой паутиной трещин плиткой, и глухой звон в ушах – вместо звука льющейся воды. Казалось, что кто-то говорит со мной. Какие-то неразборчивые слова о моем самочувствии, я ли открыл дверь, сколько пальцев я вижу, а затем вопрос: «Ты уже готов?» Вот его я услышал совершенно четко. И только на него и дал ответ. Нет, нет. Я еще не готов. Хотя какая, в сущности, разница: сейчас или немного позже? Но я еще не готов. Я не хочу умирать. Я боюсь. Мне страшно. Может быть, именно поэтому я так желал сохранить себя в этом проекте. Или то, что я привык считать собой. Загрузил в Актар-1 все те детские книги, что я читал, все игры, в которые играл. Все считалки, заученные стихи, все фильмы. Школьные сочинения и университетские конспекты. Образец почерка. Список любимых продуктов и блюд. Песни, которые знал наизусть. Фотографии из путешествий, геопозиции. Свои переписки

и поисковые запросы. Я буквально оцифровал всю свою жизнь. Создал ее резервную копию. И больше всего хотел, чтобы эта жизнь продолжалась и без меня. Чтобы она творила себя сама. Как назвать этот грех? Гордыня? Я мог сделать что-то новое, но вместо этого предпочел клонировать себя. И даже не знаю, удачно ли это вышло. С чего я вообще решил, что мое «я» настолько ценно, что нуждается в сохранении? Что важнее личность, а не то, что она способна создать? Это страх смерти говорит во мне. Раньше я ни о чем подобном не задумывался. Меня забавляли люди, которые рассуждали о загробной жизни. После смерти я исчезну, и мне будет все равно. Я всегда так думал. И вот. Чем я лучше Милютиним, которая искала высшего смысла в происходящем? Я не искал специально, но уверился, что нашел. Астроцитом отбирает у меня мозг, но то, чем я занимаюсь, позволяет сохранить интеллект. Пусть и искусственный. Разве это не величие судьбы, разве это не воплощенный фатум? Да, носителем этого интеллекта будет больше не мое тело, а ребенок. Девочка. Но я все предусмотрел. Разбил Актар-1 на сегменты, приблизительно соответствующие возрасту и развитию. Ограничил эти сегменты набором знаний, за пределы которых нельзя вырваться, пока она не будет к этому готова. Мне хотелось, чтобы в будущем развитии ее сознания была обманчивая постепенность. Чтобы все происходило как можно более естественно. Как бы смешно это ни звучало. Естественное развитие искусственного интеллекта. Никто ведь даже не понял, что мы писали не лоскутное сверхнечто, не подличность, которая должна была бесшовно слиться с собственной личностью Агнес, а паразита. Все были так впечатлены кодом, тем, как мы проработали сегментацию, развитие. Это же интеллектуальный блокчейн! Уже не помню, кто из команды это сказал. Да, наш проект, мой, по сути, проект впечатляет. Даже наедине с собой, когда не нужно ничего преувеличивать, смягчать, льстить и лукавить, я считаю, что это прорыв. Но сейчас я не хочу, чтобы в основе этого прорыва был не чистый, новый разум, а мой. Тщеславный и искаженный. Я больше не хочу, чтобы кто-то другой в этом мире видел, знал и чувствовал то, что когда-то видел, знал и чувствовал я. Так, как это делал я. Но все зашло слишком далеко. Я не успеваю. Актар-2 пока несопоставим по степени проработки с Актаром-1. С ним что-то не то. Я сам увожу себя не туда. Я не успеваю. Я все время хочу спать. У меня раскалывается голова.

Меня тошнит. Черт возьми! В проекте «Агнес» уже не хватает только Агнес. Осталось дело за главным – добиться слияния с нейрокомпьютерным интерфейсом. Ледницкий разработал автономный наноимплантат, на который мы записали Актар-1. В чем-то я даже завидую ему. Содержание – это первооснова, но если не будет подходящей формы, то имеет ли оно вообще смысл? Сможет ли оно вообще существовать? В мире не абстракций и идеалов, а технологий это отнюдь не праздный вопрос. При всем своем эгоцентризме я даже готов признать, что инженерное изобретение Ледницкого ничуть не уступает по важности моему «дополненному интеллекту». Мне бы хотелось думать, что единственный гений в нашей команде – это я, но у Ледницкого есть все шансы составить мне компанию на этом пьедестале. Если мы все-таки сделаем это. Если в ближайшее время мы получим разрешение на вживление наноимплантата в мозг и все пройдет успешно, то я могу надеяться своими глазами увидеть, что у нас получилось. Или не получилось. Но разве не это – главное счастье, то, ради чего и стоит жить: видеть плоды своих трудов, видеть, как ты смог превзойти природу, исправить ее ошибку? Нет, теперь я почему-то уверен, что счастье и смысл не в этом. На самом деле я даже завидую Ледницкому. Он молод, он почему-то решил, что на алтарь науки не надо приносить всех тех жертв, что принес я, и живет своей полной, приторной жизнью, где находится место и спорту, и работе, и духовным практикам, и религии, и «профилактическим беседам с психотерапевтом», и отношениям, и чему только не находится. Долбанный сверхчеловек! А еще у него нет сомнений. Он уверен в том, что мы делаем. Он уверен, что интеллект и душа – не едины. И спасая первое, мы не губим, не преобразуем второе. А я, а у меня уже нет такой уверенности... Наверное, я просто схожу с ума. Когда у меня не осталось времени все изменить, сделать все правильно, я хочу прекратить эксперимент, я чувствую, нет, я знаю, что сделал все не так. Я хочу все сорвать. Я сам уничтожаю свое бессмертие.

*17.02.2057.23:08:55.Запись №16.ИванПрождев.Носитель:Актар-2*

Да, забыл сказать. Когда я уходил сегодня, Ледницкий был все еще на месте. Сидел за своим столом и что-то писал. Совсем не похоже на него. Я поинтересовался, почему он решил задержать себя, разве он не собирался на открытие выставки своей невесты? Сказал, что они поссорились

и он хочет побыть один. Но расстроенным он при этом не выглядел. Ледницкий темнит. Ледницкому нельзя доверять.

Иван Прождев проснулся от крика огарей за окном. Природа с каждым годом вела себя все более и более безумно. Слишком рано для них. Слишком холодно. Слишком близко к центру города. Что эти водоплавающие птицы забыли среди всего этого стекла и бетона? Или перепутали отражающие небо высотки с водоемами? Вертикальные пруды, в которых навеки застыла вода. И по их поверхности нельзя проскользнуть, только столкнуться с ними и разбиться.

Аппетита не было. Лежал и смотрел в потолок. Думал об Агнес. О том, как тогда зашел в ее комнату при лаборатории. Уже никого не было. Даже сиделка куда-то отошла. Девочка спала. Стоя в дверях и разглядывая это маленькое, бессмысленное, как ему тогда казалось, существо, он почувствовал вибрацию метафона. Глупая рекламная рассылка. *«Вы – счастливицы! В честь юбилея авиакомпании Tatlin мы выбрали десять человек, которые к своему ближайшему дню рождения смогут оформить бесплатные билеты туда-обратно по одному из наших тридцати направлений! Не упустите свой шанс! Акция действует три дня!»* Что-то в этом роде. Восторженное и обманчивое словесное нечто, сопровождаемое звездочками и пояснениями слишком мелким шрифтом. Именно тогда Иван Прождев отчетливо осознал, что не доживет до своего 48-летия. Что смерти в нем стало больше, чем жизни. И чтобы как можно масштабнее и полновеснее утвердить свою оставшуюся жизнь, заставить мир если не переживать его утрату, то хотя бы терпеть неудобство от его смерти, он ответил, что готов принять участие в акции и выбирает рейс в Гуанчжоу. В один конец, пожалуйста. Обратный билет не нужен. И, написав это, вдруг ощутил на своих щеках влагу. Как глупо. Он плачет. Какая слабость. Он ведь никогда в своей сознательной жизни не плакал. Ни когда было очень больно, ни когда было очень обидно. И вот теперь это. Он коснулся неприятно холодными пальцами кожи, чтобы стереть признаки своего бессилия, и заметил, что лежавшая в кровати пугающе, не по-земному раскосая девочка уже не спит, а в упор смотрит на него. И во взгляде ее – не обычная запеленутая равнодушием бездумность, а сочувствие. Агнес вдруг откинула одеяло, поднялась с кровати в своей нелепой флисовой пижаме с огромными улыбающимися божьими коровка-

ми и пошла к нему. Маленькими несмелыми босыми шагами. Дошла и обняла, так, как она понимала объятия: изогнувшись, скрутившись, прислонившись боком к его ноге, а ладонью накрыв коленную чашечку. И тогда он оцепенел уже не от жалости к себе, а от понимания, что эта неразвитая, страдающая тяжелой формой идиотии девочка на самом деле не до конца заперта в темнице своего неспособного к нормальному развитию сознания. И эта детская, непосредственная, не требующая ничего взамен нежность тронула его. Прождеву во что бы то ни стало захотелось сохранить все то настоящее, что пряталось в ней. Пусть оно никогда больше не покажется. Пусть Агнес проявила жалость инстинктивно, неосознанно, но в этом и крылся весь смысл жизни. В ее мимолетности, в ее хрупкости, в ее неповторимости...

Завтракать он не стал. Налил кофе в оливковый термостакан. Забросил в него горсть таблеток. Поболтал и убрал в рюкзак. Закинул следом упаковку дрип-пакетов. В последнее время открыл для себя светлую обжарку, хотя всегда предпочитал темную. Пил как не в себя, а после каждой кружки шел чистить зубы пастой «Кофе и табак». Отчего-то страстно желал сохранить зубы белыми, словно в гробу ему предстояло не лежать с зашитым ртом, а улыбаться. Добро пожаловать, господа, на мои похороны, спасибо, что пришли, устраивайтесь поудобнее, места в первом ряду бронированы, но если в течение пятнадцати минут никто не придет, то бронь будет снята и вы сможете пересесть поближе, да, съемка разрешена, только не забудьте выключить вспышку, автограф-сессия будет после церемонии. Смешил себя кошунственными мыслями. От такого отношения к смерти и церемониальности становилось легче. Фарс спасал от страха.

Заказывать такси к дому не стал. Хотел пройти, сколько будет сил, а затем вызвать беспилотник. На первых порах Прождеву было не по себе видеть, что за рулем никого нет, потом он к этому привык и уже не представлял, как стал бы смотреть в чей-то плохо подстриженный затылок. Человек привыкает ко всему.

На улице было зябко и пустынно. Набухшие на деревьях почки еще не превратились в листья. Только то тут, то там через асфальт пробивались маленькие красные цветы. Ранние, появившиеся в городе лишь несколько лет назад, похожие на свежие капли крови... И название этих цветов, беллочно-то, беллу... белл... которое Прождев все никак не мог запомнить, было связано вовсе не

с красотой, а с войной. Сорвал один, повертел в пальцах. Надо придумать, как забрать Агнес. Украсть ее. Он увезет ее, и они будут жить вместе: больная, невыносимая девочка, и смертельно больной ученый. Замечательная семья, лучше и не придумаешь. А когда его не станет, за ней будет приглядывать его мать. Четверть века как уехавшая в глухую деревню и оставившая всю свою мирскую жизнь знахарка. Он считал ее безумной, необразованной, глупой. Прождев был жесток и несправедлив к ней. Но надеялся, что она не будет такой к нему. Если она, конечно, еще жива. Он давно не получал от нее никаких известий.

В мыслях о том, как он все организует, Прождев дошел до здания корпорации. Высотный колизей с треугольными окнами, в котором он трудился последние несколько лет. Величественный и жуткий. Ледницкий вновь был на своем рабочем месте. Что-то не то. Надо быть осторожным. В обед пригласил его в кафетерий на верхнем этаже. Вели непринужденную беседу, шутили, Прождев немного расслабился. Показалось. В последнее время он стал очень мнительным. Когда сам замыслишь неладное, то и ищешь подвоха от других. Работа продолжалась, как обычно. В 15:20 директор вызвал его к себе. Ледницкий выглядел пристыжаемым, виноватым. Значит, не показалось. «Ты ничего не хочешь мне сказать, Андрей?» Прождев не узнавал свой голос, тот дрожал. «Иван, прости, но мне кажется, так будет лучше. Я уже не знал, как говорить с тобой, ты ничего не слушаешь». Окончания фразы Прождев действительно не слышал, сердце-звонарь стучало так громко, будто колокол. В глазах начало темнеть. Отвернулся, припал плечом к стене. Глубокий вдох, выдох, глубокий вдох... Ледницкий продолжал говорить, но Прождев остановил его. Неважно. Будет лучше, если Ледницкий замолчит. Он сам со всем разберется, он все уладит, как делал уже не раз. Главное – взять себя в руки. Глубокий вдох. Прежде чем подняться к директору в кабинет, Прождев зашел к Агнес и оставил на тумбочке возле ее кровати стеклянный бокал с плавающим в нем маленьким красным цветком. Девочка смотрела на подарок пустыми бездумными глазами и, кажется, вовсе не узнавала профессора.

*19.02.2057.03:49:03.Запись№17.ИванПрождев.Носитель:Актар-2*

Что ж. Меня отстранили от проекта. Сказали, что временно, пока не проведут проверку, пока я не приду в себя. Значит, навсегда. В себя я уже



не приду. Исполняющим обязанности руководителя назначен Ледницкий. Лабораторный крысеныш. Почему не поговорил со мной прежде, чем отправился наверх? Почему ничего не сказал во время обеда? Или он говорил, просто я его не слышал? С каждым днем я все больше сомневаюсь в своем рассудке. Поэтому и начал вести дневник. Чтобы помнить. Чтобы окончательно не потерять себя. Работу над Актаром-2 буду вести столько, сколько возможно. На случай, если я закончусь раньше, чем успею все закончить, запустил автоудаление. Если мне суждено исчезнуть, то я хочу забрать все с собой. Не хочу оставлять следов... Все еще хочу забрать с собой Агнес. Я вернусь за ней, и мы уедем. Мы обязательно уедем. И тогда все Актары, весь этот проект будут не важны. Мы будем просто жить. Мы просто будем.

*03.03.2057.03:33:03.Воспроизведение.Запись№1.Носитель:Актар-2*

Проверка голоса: Иван Прождев. Код операции: ягненок. Пароль: Сколь догонит солнце, Хати схватит месяц. Запуск команд: последовательный. Очистка системы. Уничтожение данных.

*19.04.2070.02:30:00.Сообщение№1.Отправитель:Иван Прождев.Носитель:Актар-1*

Милая Агнес, если ты сейчас слушаешь это сообщение, значит, у меня получилось. Значит, Актар-1 удался, значит, Ледницкий все сделал правильно. Значит, тебе уже двадцать лет, большую часть из которых ты способна видеть и познавать этот мир, но главное – взаимодействовать с ним. Ты можешь учиться и общаться. Наверное, ты даже умнее и сообразительнее многих своих знакомых. Наверное, твои родители не чают в тебе души. А сколько всего ты видела к своим двадцати годам! Наверное, у тебя есть друзья. Наверное, ты уже испытывала влюбленность. Я бесконечно рад, что сейчас могу обращаться к тебе и ты меня слышишь и понимаешь... Милая Агнес, если ты сейчас слушаешь это сообщение, значит, у меня не получилось. Не получилось оградить тебя от вмешательства, сохранить тебя такой, какой создал тебя Бог. Или природа, жизнь, я не знаю, как правильнее это назвать. Но я надеюсь, что я ошибался, и душа – это больше, чем просто сознание. Я надеюсь, что в тебе больше тебя, чем меня. И я надеюсь, что ты счастлива. Это самое главное.

# ЗАПАХ КАМЕЛИЙ

- Жень, мне холодно! Принеси плед, Жень!
- Какой тебе еще плед?! Никакой плед тебя не согреет. Ты умерла. Ты умерла, слышишь?! Тебя нет! Хватит меня мучить!

Полина лежала, глубже прижимая тяжестью своего неповоротливого, не гибкого уже, не звонкого уже тела продавленный матрас, и думала: «Как же так я умерла, вот же я, здесь. Вот и рот мой пересохший открывается, не зашит он нитками или чем там зашивают рот покойницкий? И сердце мое бьется под этой байковой, красивой рубашкой. Разве покойникам покупают такие красивые рубашки? Разве дарят им их на дни рождения? Ведь на прошлой неделе был у меня день рождения, совершенно точно день рождения, а не день смерти. И ели мы торт с безе и жирным кремом. И чай пили черный со смородиновым листом. И дочка моя, как же зовут ее, дочку мою, подарила мне эту рубашку байковую. Чай байховый, а рубашка байковая... Очень тогда смеялась я этому, от души смеялась, а никто почему-то веселья моего не понимал. А Жень что подарил?»

– Жень, а что ты мне подарил на день рождения? Кричать из дальней комнаты было тяжело. Но встать и пройти к мужу она почему-то не могла. Что-то не пускало ее, сдерживало. Даже подняться, чтобы закрыть балконную дверь, у нее не получалось. И дуло из незастекленной лоджии сыро и свирепо.

- Господи, Боже мой, да что я мог подарить тебе, когда ты умерла?! – исступленно орал в ответ Евгений. – Мертва ты, мертва! И ничего тебе не нужно! Хватит говорить со мной, хватит сводить меня с ума!

Полина смотрела в белый, испещренными червоточинами мушиной жизни потолок и не понимала: «Разве я умерла? Разве не я это говорила сейчас? Разве не свое тело я ощущаю, разве не мой голод сидит в моем животе?»

- Жень, я есть хочу, Жень!
- Мертвые не едят! Закрой свой мертвый рот!

Полина отвернулась к стене и заплакала. Вначале беззвучно, затем со всхлипами, а потом и вовсе в голос, во всю мочь, как бессловесный и беспомощный младенец, заливаясь гневными бессильными слезами. Как тридцать три года назад их с Женей дочь, имя которой она запомнила, но обязательно вспомнит, надо только постараться, рыдала в своей кровати, и Полина, бросив все дела, бежала к ней, чтобы обнять и успокоить. «Мама рядом, бояться нечего, мама рядом».

Евгений надел большие наушники и поднял экран ноутбука. Главное – продержаться до вечера, а там уже будет легче. Вернется с работы красивая дочь их Ксения, плоть от плоти матери своей, поцелует в щеку, обдаст сладкими духа-

ми и чужим мужским запахом, в котором Евгений ясно различит горькие ноты обмана и грядущего одиночества: никогда этот мужчина не возьмет ее в жены, так и бросит, наигравшись... Но Евгений ей, конечно, этого не скажет. Она же скажет ему грустно и сострадательно: «Бедный папочка. За что тебе только все это? Ты не заслужил». А он подумает: «Заслужил, Ксюша, еще как заслужил... Но тебе этого знать не надо». И от близости живого человеческого существа станет ему легче, и перестанет кричать покойница из комнаты, в которой когда-то они с ней были очень счастливы друг с другом, и часами могли лежать на узкой, не приспособленной для двоих кровати, и рассматривать альбомы, доставшиеся ему от отца-художника. «А как это называется?» – «Азулежу». – «Никогда не zapomню... Плитка это, пусть будет просто плитка! Но чудо как хороша! Как бы я хотела такую на кухне. Давай купим и сделаем рукав? Я бы мыла тогда посуду всегда с радостью. Что скажешь, Женя?» Евгений тогда улыбался тепло и насмешливо и соглашался, совершенно уверенный, что никогда ничего подобного у них не будет, но какая, в сущности, разница: пусть Полина думает, что будет, пусть представляет, мечтает, радуется несбыточному. Кто он такой, чтобы лишать ее маленьких мещанских надежд.

– Женя! Женя, мне страшно! По стене кто-то ползет! Он уже на мне, сними его с меня, Женя! Он душит меня! Задыхаюсь! Мамочки, Женя, помогите!

– Да что мне сделать, чтобы ты отстала от меня и поняла, что умерла?! Ты – труп! Ничто! Тебя нет! Замолчи уже! Это просто невыносимо!

Евгений откинул наушники, вскочил с кресла. Из-под крана налил себе воды. Тепловатая, с химическим привкусом. Противно. Но пил жадно. Из кружки, в чьи белые бока вьелся чайный загар. Полина всегда мыла тщательно, а им с Ксюшей было все равно. Не до этого. И не до мытья плитки кухонной с жирными застывшими каплями. Просто плитка, никакая не азулежу. Хотя и были они с женой в Лиссабоне: на тридцатую годовщину подарили себе первое и единственное их совместное заграничное путешествие. Только Полина тогда была уже рассеянная, опустевшая... Не Полина вовсе, а одна только оболочка, изъеденная изнутри. Рассматривала узорчатые украшения зданий без особого интереса, забыв, что когда-то мечтала обклеить кухню португальскими изразцами. Только кричащие чайки да цветущие камелии выводили ее из чувственного оцепене-

ния. «Смеются над нами», – говорила она уверенно, услышав громкие птичьи голоса. «Да с чего им смеяться-то? Плакать надо, плакать...» – «Они сами знают, с чего, вот и смеются! Смешные мы, Женя!» И она слегка оживлялась. Но стоило чайкам замолкнуть, как и Полина вдруг вся закрывалась, скукоживалась и сомнамбулой бродила вслед за ним по городу, только и фотографируя, что обильно цветущие кусты с мясистыми розовыми камелиями. Ее почему-то манили эти космически-правильные бутоны, она, как зачарованная, смотрела на них и не могла оторваться. Евгений называл их «цветы без души». Цветы, не способные на запах. «Вот и славно, милый мой. Цветы, не способные на запах, а значит, и на воспоминания. Пускай на моих похоронах будут только камелии». «Замолчи, Полина. Не выводите меня из себя». Только и мог тогда, что рычать сквозь зубы Евгений от своей слабости и невозможности остановить ни болезнь ее тела, ни болезнь ее ума.

– Женя, а я вспомнила, Женя!

Из дальней комнаты вновь раздался крик. Но уже другой, не как те ее крики, что все эти последние, потерявшие для него счет дни, не давали ему покоя. Полина радостно кричала ему из комнаты с закрытой дверью, занавешенным зеркалом, незастекленным балконом: «Я вспомнила, Женя, что ты подарил мне на день рождения! Я вспомнила, вспомнила! Камелии! Ты подарил мне камелии! Как же они приятно пахли! Пахли камелии... Значит, ты прав, Женя... Значит, я действительно умерла».

